

Минский Николай Максимович

**Генрих Ибсен. Его жизнь и
литературная деятельность**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
Н63

Н63 **Николай Максимович М.**
Генрих Ибсен. Его жизнь и литературная деятельность / Минский Николай
Максимович – М.: Книга по Требованию, 2025. – 102 с.

ISBN 978-5-519-96680-1

ISBN 978-5-519-96680-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2025

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ.

БЮГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА.

ГЕНРИХЪ ИБСЕНЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ.

ОЧЕРКЪ

Н. М. Минскаго.

Съ портретомъ Ибсена, взятымъ изъ Исторіи литературы Карпелеса.

.....
ЦѢНА 25 КОП.
.....

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

**Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., собств. д. № 12.
1897.**

Доволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Сентября 1896 года.

О Г Л А В Л Е Н І Е.

	СТРАН.
I. Общая характеристика Ибсена.— Національный и общечеловѣческій моментъ въ его творчествѣ . .	5
II. Молодость Ибсена.— «Катилина». — Завѣдываніе Бергенскимъ театромъ.— Историческія пьесы.— «Госпожа Ингеръ изъ Эстрота». — «Сѣверные богатыри». — «Претенденты на корону». — Отъѣздъ Ибсена за границу	15
III. Драматическія поэмы «Брандъ» и «Перъ Гинтъ». — «Императоръ и галилеянинъ» .	29
IV. Комедіи Ибсена изъ современной жизни.— Соціальныя пьесы: «Союзъ молодежи», «Опоры общества», «Врагъ народа» .	39
V. Пьесы Ибсена о любви и семьѣ.— «Комедія любви». — «Эллада». — «Пора»	53
VI. Символическія пьесы. — «Дикая Утка». — «Привидѣнія». — «Росмерсгольмъ». — «Гедда Габлеръ». — «Строитель Сольнесъ». — «Маленькій Эйольфъ»	74

ИСТОЧНИКИ.

- H. Jäger.** H. Ibsen, deutsch von H. Zschalig, Dresd. 90.
L. Passarge. H. Ibsen, Leipzig. 83.
Его же. Sommerfahrten in Norwegen, Leipzig. 84.
G. Brandes. Moderne Geister, Frank. a M. 88.
Aug. Ehrhard. H. Ibsen et le théâtre contemporain, Paris. 92.
Bern. Shaw. Ibsen and Ibsenianism, London. 92.
Jules Lemaitre. Impressions de théâtre, 5-m série, Paris. 91.
L. Bernardini. La littérature scandinave, Paris. 94.
Горнъ. Скандинавская литература, пер. К. Бальмонта, Москва.
B. Litzmann. Das deutsche Drama in den litterarischen Bewegungen der Gegenwart, Hamburg. 96.
E. Mensch. Der neue Kurs. Stuttgart. 95.
Léon Dandet. Les idées en marche, Paris. 95.
M. Maeterlink. Le trésor des humbles, 95.
Собрание сочинений Г. Ибсена, изд. I. Юровскаго.
-

I.

Чрезвычайно быстрый и всемірный успѣхъ Ибсена объясняется, помимо личной талантливости этого писателя, нѣкоторыми другими причинами болѣе общаго характера. Подобно всѣмъ великимъ художникамъ, Ибсенъ глубоко націоналенъ, и намъ кажется, что въ значительной мѣрѣ онъ обязанъ своей славой особенностямъ своего сѣвернаго, скандинавскаго темперамента.

Понятно, почему крупный писатель не можетъ не быть національнымъ. То, что составляетъ красоту поэтическаго произведенія, не рождается вдругъ въ сознаніи поэта, а вырабатывается въ народныхъ глубинахъ такъ же медленно, какъ цвѣтъ кожи, строеніе черепа и другія физическія особенности расы. Но часто бываетъ, что народный писатель, именно вслѣдствіе своей народности, какъ бы невольно, независимо отъ таланта, осужденъ играть второстепенную роль въ міровой литературѣ. Тамъ, гдѣ интересы общественной жизни слишкомъ элементарны или исключительны, писатель, отражая ихъ, самъ ограничиваетъ свое значеніе и славу. Яркій примѣръ этого мы видимъ въ нашей литературѣ въ судьбѣ Грибоѣдова, Гоголя и отчасти Пушкина. Московское общество начала нашего столѣтія страдало отъ невѣжества, пепотизма, искательства, и Грибоѣдовъ поступилъ, какъ чуткій художникъ, создавъ типы Фамусова и Молчалина. Но едва ли такіе типы могли волновать совѣсть и мысль европейскаго общества послѣ великой французской революціи. То же самое приходится сказать и о Чичиковѣ, и о Евгеніи Онегинѣ. Только съ того момента, когда русскій народъ въ лицѣ Достоевскаго и Толстого возвысился до изображенія не случайныхъ, а вѣчныхъ сторонъ своего духа, наша литература вошла въ составъ европейской и наши писатели сдѣлались всемірными учителями.

Норвегія, къ счастью для ея современныхъ писателей, давно пережила эпоху борьбы за свободу и просвѣщеніе. Политическая свобода въ этой странѣ утвердилась раньше, чѣмъ въ остальной Европѣ. Еще въ 1814 г. Норвегія получила свою конституцію, послужившую предметомъ подражанія и зависти для всей Германіи. Относительно народнаго образованія Норвегія тоже является образцомъ для остальной Европы. Это почти единственная страна, гдѣ, начиная съ XVII вѣка, нѣтъ безграмотныхъ, гдѣ среднее и даже высшее образованіе вполне общедоступны. Если же до сихъ поръ норвежская литература оставалась въ тѣни, то причину этого явленія слѣдуетъ видѣть въ національномъ характерѣ скандинавовъ, въ его несоотвѣтствіи съ господствовавшими до нашего времени литературными теченіями.

Покуда въ поэзіи нераздѣльно царилъ пышный, многословный, любящій эффекты и преувеличенія романтизмъ, сѣверный писатель былъ осужденъ на второстепенную, подражательную роль, и фантазія поэтовъ тяготѣла къ шумному и колоритному востоку или югу. Но какъ только романтизмъ уступилъ мѣсто реальному изображенію жизни, сѣверъ легко и скоро овладѣлъ первыми мѣстами въ пантеонѣ литературы. Дѣло въ томъ, что между психологіей сѣверянъ и настроеніями реального искусства есть много общаго, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ между ними наблюдается полная гармонія. Если мы спросимъ себя, что составляетъ сущность новаго искусства, то должны будемъ отвѣтить: правдивость и простота изображенія, вражда ко всему крикливому и эффектному, преобладаніе психологическаго анализа надъ занимательной интригой, дерзновенное исканіе внутренняго смысла подъ внѣшними символами міра, болѣзненное развитіе индивидуализма. Всѣ эти черты—правдивость, склонность къ рефлексіи, дерзновеніе мысли, индивидуализмъ — рѣзко выражены въ сѣверномъ темпераментѣ, и вотъ почему мы не согласны съ тѣми критиками, кто въ повсемѣстномъ успѣхѣ сѣверныхъ писателей видятъ только капризъ моды.

Такое счастливое совпаденіе національнаго духовнаго склада съ общечеловѣческимъ моментомъ въ развитіи искусства мы наблюдаемъ и у норвежцевъ, какъ у прочихъ сѣверянъ. Что касается правдивости и честности, то въ этомъ отношеніи норвежцы даже превосходятъ другіе народы сѣвера, если вѣрить преданіямъ исторіи и рассказамъ путешественниковъ. Еще средневѣковыя хроники, жалуясь на неистовства нормановъ, въ одинъ голосъ при-

знають ихъ рѣдкую правдивость и вѣрность слову. Эта національная черта наглядно выражена въ древней сагѣ о морскомъ королѣ Гёгни, который, въ поединкѣ съ Сёрли Могучимъ, обезоружилъ послѣдняго, повалилъ на землю и собрался зарѣзать, когда замѣтилъ, что на немъ нѣтъ меча. «У меня нѣтъ въ рукахъ меча,—сказалъ онъ врагу,—если не хочешь, чтобы я перегрызъ тебѣ горло зубами, обѣдай лежать неподвижно, пока достану мечъ». Сёрли обѣщалъ и такъ и остался лежать на мѣстѣ, ожидая возвращенія Гёгни, который впрочемъ, тронутый его непоколебимостью, даровалъ ему жизнь и подружился съ нимъ. Въ современной Норвегіи, по свидѣтельству путешественниковъ, нѣтъ обманщиковъ и воровъ. «Иностранцу, пріѣхавшему въ Норвегію,—говоритъ Пассарге въ своихъ путевыхъ очеркахъ,—кажется, что онъ очутился въ какой-то идеальной республикѣ. Едва-ли кто повѣритъ, что въ Христіаніи,—городѣ со 100,000 населеніемъ,—и понынѣ входныя двери домовъ оставляются на ночь незапертыми, между тѣмъ какъ въ передней висятъ шубы всѣхъ членовъ семьи, иногда весьма дорогія». Въ театрахъ публика оставляетъ верхнее платье, не требуя контрамарки, между прочимъ потому, что требовать не у кого: платье никѣмъ не охраняется. «Помилуйте,—отвѣчаютъ норвежцы удивленному иностранцу,—кто у насъ станетъ красть!»

На эту врожденную правдивость и искренность норвежцевъ намъ часто придется указывать при разборѣ драмъ Ибсена, въ которыхъ только въ видѣ исключенія встрѣчаются притворство и злонамѣренная ложь; если его героямъ приходится говорить неправду, то, болѣею частью, съ самой высокой, благородной цѣлью. Обыкновенно же они съ первыхъ словъ открываютъ свои заветныя мысли и чувства, такъ что интрига по необходимости становится внутренней, психологической. Вотъ почему драмы Ибсена, какими бы пессимизмомъ онѣ ни были проникнуты, всегда дѣйствуютъ освѣжающе на душу и въ этомъ отношеніи могутъ быть сравниваемы только съ произведеніями англійскихъ поэтовъ и романистовъ. Но еще болѣе скандинавская правдивость сказывается въ самой манерѣ драматурга, въ его отношеніи къ изображаемой жизни. Ибсенъ въ области драмы совершилъ то же, что Толстой въ области романа,—условную и сочиненную по рецепту правду замѣнилъ безусловной и художественной, довелъ интенсивность дѣйствія, простоту и гибкость языка до тревожной иллюзіи дѣйствительности.

Кромѣ внѣшней правды изображенія другимъ требованіемъ натурализма является психологическій анализъ, и въ этомъ отношеніи Ибсенъ достигъ совершенства, оставаясь вполне національнымъ. Въ смыслѣ самокритики, самоанализа, того, что мы иногда съ ироніей называемъ самоѣдствомъ, скандинавы перещеголяли даже русскихъ. Можетъ быть, этой чертой характера они обязаны своей молчаливости. Несообщительные, вѣчно замкнутые и погруженные въ себя, скандинавы прислушиваются къ малѣйшему движенію своей воли и совѣсти, которое гулко отдается въ ихъ тихой душѣ, подобно паденію камня среди сонныхъ фіордовъ. Пассарге называетъ Норвегію страной молчанія. «Посѣтивъ ее нѣсколько разъ,—говоритъ онъ,—я сталъ спрашивать себя, умѣютъ ли вообще жители этой страны смѣяться? Здѣсь люди серьезны и молчаливы до жуткости. Представьте себѣ театръ, полный молодыхъ людей, предъ которыми выступаютъ шведскіе актеры со своими удивительными пѣснями и танцами. Публика смотритъ и слушаетъ съ напряженнѣйшимъ вниманіемъ. Робкія рукоплесканія—вотъ все, чѣмъ выражается ея участіе. Въ антрактахъ молодые люди шепчутся другъ съ другомъ, говорятъ что-то на ухо. Въ здѣшнихъ отеляхъ всѣ движутся тихо, какъ въ больницѣ. Одна молодая нѣмецкая путешественница возбудила враждебное вниманіе тѣмъ, что кликнула кельнера нѣсколько слишкомъ громко. Въ моей гостинницѣ однажды вечеромъ загорѣлась гардина. Люди пришли съ ведрами. При этомъ не было ни шума, ни говора. Другъ друга шопотомъ убѣждали молчать. Человѣкъ здѣсь является продуктомъ своей природы. И небо въ Норвегіи всегда слегка покрыто облаками, горизонтъ задернутъ влагой. Здѣсь говорятъ объ улыбающемся, а не смѣющемся ландшафтѣ. И люди въ Норвегіи, подобно природѣ, только улыбаются». Эта національная черта составляетъ, быть можетъ, величайшую прелесть драмъ Ибсена. Почти въ каждой изъ нихъ встрѣчаются тихія души, таящія въ себѣ глубокіе омуты. Герои Ибсена не жалуются и не восторгаются, вообще не выражаютъ уже назрѣвшихъ чувствъ, а лишь говорятъ о внутреннемъ процессѣ ихъ образованія. Словъ не много, но каждое является эхомъ сложнаго внутренняго разлада, и читателю или слушателю приходится напрягать вниманіе и многое угадывать. Вотъ сцена изъ драмы «Госпожа Ингеръ изъ Эстрота», въ которой изображено, какъ молодая дѣвушка, узнавъ отъ матери, что ея возлюбленный раньше соблазнилъ ея сестру, рѣшается на самоубійство:

Ингеръ. Знай, Элина, то былъ Нильсъ Ликке, кто уложилъ твою сестру въ гробъ.

Элина (съ крикомъ) Люцію!

Ингеръ. Это такъ же вѣрно, какъ то, что надъ нами живетъ иститель.

Элина. Если такъ, то да будетъ небо ко мнѣ милосердно.

Ингеръ (въ ужасѣ) Элина!

Элина. Я принадлежу ему передъ богомъ.

Ингеръ. Несчастное дитя—что ты сдѣлала!?

Элина (глухимъ голосомъ). Пожертвовала своимъ сердечнымъ миромъ. Спокойной ночи, моя мать.

И Элина уходитъ, чтобы лечь въ безвременную могилу, рядомъ съ Люціей.

Такой героическій лаконизмъ предполагаетъ великую силу воли, чувства слишкомъ глубокия, чтобы они могли испариться въ пышныхъ рѣчахъ. Но говоря о волѣ, мы касаемся центрального пункта въ міросозерпаніи Ибсена. Здѣсь гармонія между темпераментомъ писателя, унаслѣдованнымъ имъ отъ своего народа, и современнымъ направленіемъ европейской философіи и литературы особенно поразительна. Философскій идеализмъ, подготовленный Кантомъ, логически долженъ былъ привести къ проповѣди индивидуализма, что дѣйствительно и случилось. Начиная отъ Шопенгауэра и кончая Ницше, всѣ философы нашего вѣка въ центрѣ этики ставятъ идею о самобытной личности, о преобладаніи воли надъ другими функціями души. Шопенгауэру волевое начало казалось даже абсолютомъ, а Ницше видитъ единственную цѣль жизни въ развитіи своей личности до тѣхъ предѣловъ, гдѣ она становится всеобъемлющей, міровой. Съ другой стороны философія эволюціи, опираясь на теорію Дарвина о борьбѣ за существованіе, тоже должна была признать дѣятельную борящуюся волю главнымъ факторомъ человѣческаго развитія.

Въ торжествѣ индивидуализма участвовали еще два фактора: во-первыхъ, полигическія разочарованія Европы, послѣдовавшія за неумѣренными надеждами революціи. Обаяніе представительнаго начала и парламентаризма исчезло. Всеобщая подача голосовъ превратилась въ своего рода куплю-продажу общественнаго мнѣнія, а вмѣстѣ съ тѣмъ подорвано было обаяніе толпы и всего, что связано съ общественностью, давая такимъ образомъ просторъ долго угнетенной личности; а во-вторыхъ, къ этому-же результату привели нравственно-христіанскія ученія англійскихъ

и нашихъ писателей, такъ какъ нравственность невозможна безъ личнаго совершенствованія и противорѣчитъ культу общественныхъ формъ. Изъ всѣхъ этихъ отдѣльных теченій, историческихъ, философскихъ и литературныхъ, образовался центральный водоворотъ, глубокое и пока еще смутное настроеніе, которое мы называемъ индивидуализмомъ. Въ политикѣ оно привело къ анархизму, въ искусствѣ — къ поэзіи личныхъ настроеній, къ преобладанію момента надъ эпохою, впечатлительной личности надъ типомъ и характеромъ.

Ибсенъ, выйдя на путь современнаго искусства, нашелъ въ своемъ скандинавскомъ характерѣ всѣ задатки для того, чтобы стать понятнымъ въ одно и то-же время и для Европы, и для своей родины. Могучая воля индивидуальности, дерзновение, — все это черты, присущія по преимуществу скандинавамъ, запечатлѣвшія всю ихъ исторію. Нормандскіе викинги, отправляясь въ свои завоевательные походы, руководствовались не столько жаждой грабежа, сколько непреодолимымъ стремленіемъ проявить свое личное мужество. Вотъ почему они, послуживъ ферментомъ для образованія многихъ государствъ, сами своего государства не создали и послѣ кипучаго проявленія силы вдругъ непонятнымъ образомъ притихли и ослабѣли. Трудно опредѣлить, чему больше подчинился Ибсенъ, своему-ли національному темпераменту, или европейскимъ вѣяніямъ, когда въ центрѣ почти всѣхъ своихъ драмъ поставилъ идею о верховенствѣ воли, о борьбѣ индивидуальности съ обществомъ, но главнымъ образомъ, благодаря проповѣди индивидуализма, онъ въ такое скорое время сталъ во главѣ европейской литературы, сдѣлался, по выраженію Брандеса, современнѣйшимъ изъ современниковъ. Французскіе натуралисты не уступятъ ему въ дерзновенія, но они сами — дѣти своей эпохи, люди съ расшатанной волей, безъ вѣры въ торжество личности. Русскіе романисты, проповѣдуя личное совершенствованіе, все-таки подчиняютъ интересы отдѣльнаго человѣка правдѣ народной, мірской. У одного Ибсена его идеи и характеръ сливаются въ цѣльномъ аккордѣ. Можно даже сказать, что и манера его пьесъ болѣе, чѣмъ у другихъ художниковъ, соответствуетъ ихъ содержанию. Драммы его сами по себѣ являются памятникомъ человѣческой воли, поражаютъ мощнымъ внутреннимъ строеніемъ, напоминая по сложности и крѣпости современные постройки изъ безчисленныхъ желѣзныхъ полосъ.

Сѣверному-же темпераменту Ибсена мы обязаны другой чер-